

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ОРЕНБУРЖЬЯ

В статье анализируются основные задачи, стоящие перед социальной историей как самостоятельным направлением исторических исследований. Выявляются наиболее изученные и наименее разработанные темы и периоды социальной истории Оренбуржья. Дается обзор работ, посвященных различным аспектам данного направления исторической науки Оренбургской области.

Ключевые слова: социальная история, социальные движения, история ментальностей, история повседневности, демография, гендерная история.

Выделение социальной истории в особое направление историографии относится к сравнительно позднему времени, так как классовые взаимоотношения и возникающие на их почве движения стали делаться предметом специального внимания только в середине XIX в. К занятию социальной историей ученых привело не только внутреннее развитие самой исторической науки, но также развитие социологии как самостоятельной области научных исследований, а также обострение социальных вопросов в самой жизни. Историко-антропологический поворот в гуманитарной мысли Запада, начавшийся в конце 60-х гг. XX в., привел к окончательной смене единых и универсальных подходов к пониманию исторического процесса историческими дискурсами, отличающимися крайней степенью фрагментарности и релятивизма, что обострило интерес историков к многообразным граням истории социума. В результате возникла ситуация, которую в 1969 г. констатировал историк Ханс Розенберг: «Так называемая социальная история стала для многих расплывчатым собирательным понятием всего, что в исторической науке считается... нужным и прогрессивным» [11, с. 163]. Именно поэтому, на наш взгляд, наиболее актуальной задачей, стоящей на данный момент перед учеными, является **определение предметного поля** этого исследовательского курса.

В период бытования марксистской историографии ученые-историки ограничивали себя преимущественно социально-экономической историей и историей классовой борьбы. В ходе дискуссий, ведущихся на протяжении последнего десятилетия, выявились различные тенденции в понимании предмета и содержания социальной истории. Одни исследователи, рассматривая социальную исто-

рию как промежуточную область между экономической и политической историей, ограничивали ее задачу изучением социальной структуры в узком смысле слова, т. е. исследованием истории социальных ячеек, групп, институтов, движений (так называемая социально-структурная история). Другие стремились постичь человеческое общество в его целостности, исследуя социальные связи между индивидами. Основываясь на материалах международной научной конференции «Социальная история: проблемы синтеза», проведенной Институтом всеобщей истории Российской академии наук в октябре 1991 г., московский историк, профессор Лорина Петровна Репина сделала вывод о существовании «двух главных направлений современной социальной истории – историко-социологического, сосредоточившегося на движении разнообразных социальных структур, развертывающихся на протяжении большой исторической длительности, и историко-антропологического, изучающего умонастроения, психологию, морально-этические нормы, или, как еще принято говорить среди историков, культуру и менталитет самых разнообразных слоев, прежде всего народных низов» [30, с. 70].

В итоге следует согласиться с выводом, к которому приходит редакционный совет альманаха THESIS: «С одной стороны, социальная история – это история конкретных социальных явлений: детства, досуга, семьи, болезней и врачевания; с другой – реконструкция прошлого маленьких городков, рабочих поселков и сельских общин; с третьей – исследование психологической мотивации и менталитета. Но одновременно это и история громадных территориальных и временных пространств, массовых социальных движений

и насилия в истории, социальных процессов исторической трансформации (миграции, урбанизации, индустриализации)» [1, с. 152]. В итоге сегодня предметом исследования «социальных историков» являются как социальные движения и революции, так и история ментальностей, частной жизни и повседневности, компаративная и историческая биография, а также гендерная история.

Социальная история, история социально-го, то есть всего комплекса отношений между людьми, на протяжении своего сравнительно недолгого развития зависела и продолжает испытывать зависимость от социальных теорий и связанных с ними методов исследования социальных отношений. Отказ от жесткой идеологической заданности исторических разработок и коренные изменения, происходящие сейчас в мировой историографии, существенно повлияли на проблематику исследований социальной истории России. Это, в первую очередь, коснулось **научных парадигм** – совокупности ценностей, методов, технических навыков и средств, принятых в современном научном сообществе. Неотъемлемым свойством социальной истории в данном аспекте была ее открытость, которая проявлялась в неизменной приверженности к междисциплинарному диалогу в самых разных его конфигурациях. Если обратить внимание на хронологию социальной истории, то она испытывала в разные годы влияние различных дисциплин: в 1960-е – социологии и исторической демографии, в 1970-е – социальной и культурной антропологии, а также психологии, а позже в 1980-е и 1990-е вбирала в себя лингвистику и литературную критику. Таким образом, **полидисциплинарная методология** в «освещении прошлого» стала новейшим инструментарием социоисторика.

Еще одной дискуссионной проблемой в изучении социальной истории стал конфликт **научных подходов**. Вся советская историческая школа неизменно базировалась на теории общественно-экономических формаций. Ее научные принципы заставляли исследователей обнаруживать в подвергаемых анализу обществах признаки тех или иных производственных отношений, свидетельства их формационной эволюции. Начиная с середины 90-х годов XX в. и по сегодняшний день методологические посылки многих трудов как макроистори-

ческого характера, так и исследований по конкретной тематике определяет модернизационная парадигма. Однако как в первом, так и во втором случае указанные подходы стремились к провозглашению всеобщности прогрессивных изменений, происходящих в различных социумах. Понятие модернизация общества предполагает его изменение по схеме: новация (новшество) – инновация (новообразование) – стереотип (С.Н. Гавров [9]). При этом в России вплоть до начала XX века процесс превращения новаций в стереотипы был крайне растянут во времени, а сама новизна была мировоззренчески неприемлема для большинства членов этого социума. В результате применительно к таким традиционалистским обществам, по мнению сторонников модернизационной теории, нужно было вести речь не о классической, а о парциальной (частичной) модернизации (А.Д. Богатуров, А.В. Виноградов [6]), «догоняющей» модернизации (В.Г. Федотова [43]), или «запаздывающей» (нелинейной, с элементами инволюции) социальной эволюции (А.В. Бузгалин [8]). С другой стороны, по мнению В.Н. Сырова, содержание обыденной, каждодневной жизни составляла ориентация на вписывание в существующие структуры, а не на их преобразование, соответственно на повторение, а не на новацию, было тесно связано с подозрительным отношением субъектов повседневности к проявлению индивидуальности и творческой активности [40]. В связи с этим, по нашему мнению, наиболее эффективным может стать переход к эволюционной концепции исторического развития, предполагающей медленное адаптивное взаимоприспособление социума и внешней для него среды.

К числу исследователей, кто провел фундаментальный анализ социальной истории России, опираясь на модернизационную теорию, следует отнести Б.Н. Миронова [22; 23]. Его книга, получившая широкий резонанс в сообществе историков, философов, социологов, актуализировала проблему создания социальной истории России. Но в то же время она показала, что подобный фундаментальный труд стал возможен только при реализации успешных региональных проектов, которые дали мощную источниковую базу для макроисторического труда. История Оренбуржья тесно связана с историей сопредель-

ных регионов. Особенно ярко это прослеживается в отношении Башкирии, Уфимской губернии, долгое время составлявших с Оренбургской губернией единое административное пространство. Следовательно, говоря об актуальных вопросах социальной истории Оренбуржья, необходимо учитывать и научный опыт, накопленный коллегами из Башкортостана, а также Самары и Челябинска.

К традиционным вопросам социальной истории стоит отнести **вопрос о роли и месте социальных групп в структуре российского общества**. Именно в этой сфере в оренбургской исторической науке было создано наибольшее количество работ. Поскольку Оренбургская губерния (Оренбургская область, Южный Урал) являлась преимущественно сельскохозяйственным регионом, в первую очередь местных исследователей волновала судьба крестьянства. Были изучены разные хронологические периоды истории этого сословия, написаны кандидатские и докторские диссертации [17; 18; 38; 47]. Стали ежегодными аграрные научно-практические конференции, проводимые в Оренбурге при поддержке областной администрации. Тематика этих научных мероприятий весьма разнообразна. На обсуждение выносились такие проблемы, как, например, «Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.», «Великие реформы 1860–1870 гг. и аграрная Россия». Работы, связанные с оренбургским крестьянством, прекрасно дополняются исследованиями по сельским жителям соседней Уфимской губернии, которая долгое время входила в состав Оренбургского края [31]. В итоге можно констатировать, что именно крестьянство, эволюция различных категорий этого сословия в регионе, его менталитет и культура являются наиболее исследованной социальной проблемой регионального масштаба.

Кроме крестьянского населения в поле зрения оренбургских историков часто попадали казаки [2; 10; 15; 39]. При Оренбургском государственном университете долгое время работал Научно-исследовательский институт истории Южного Урала и казачества под руководством Л.И. Футорянского [44]. Были исследованы проблемы социодинамики этой категории населения, основные факты политической истории казачества, особенности его

домашнего быта и хозяйства. Работы, посвященные оренбургскому казачеству, в 2011 г. были обобщены в докторской диссертации В.А. Кузнецова [15]. Следовательно, данная социальная группа в границах Южного Урала также может считаться достаточно глубоко и всесторонне изученной.

Объектом внимания ученых также становились дворяне [13; 24], купцы [4; 5; 27; 29], промышленники [37], рабочие [3; 33]. Причем обращение к истории различных социальных групп могло осуществляться как в форме специальных работ [28], так и отдельных сюжетов в исследованиях более широкого проблемного характера [19; 21; 25; 35; 42; 48]. Выводы, сделанные авторами названных публикаций, подчеркивали специфику сословной структуры Оренбургского региона. Однако следует признать, что указанные сообщества еще не получили полного и детального освещения в специальных научных исследованиях. Такие же сословия, как духовенство, мещанство вообще не становились объектами специальных социо-исторических региональных исследований. Это во многом связано как с малочисленностью отдельных сословий, представленных на территории региона (например, дворян и крепостных крестьян), так и с отсутствием достаточной источниковой базы, позволяющей на необходимом уровне осветить историю сословия. В частности, полная история регионального купечества может быть собрана лишь с помощью детального анализа разрозненных материалов самых разных фондов центральных и региональных архивов, что, естественно, создает трудности в создании объективной картины оренбургского купеческого сообщества. Над перечисленными проблемами, как правило, имеют возможность работать лишь уже зрелые, состоявшиеся ученые, обладающие отработанными навыками поиска необходимой информации. Так, например, уфимский исследователь, д.и.н., проф. М.И. Роднов в настоящее время собирает материал о поместном дворянстве, проживавшем в XVIII–XIX вв. на территории Башкортостана.

Работы, посвященные социальной истории XX века, затрагивали абсолютно новые социальные группы, сформировавшиеся в условиях грандиозных экономических и политических трансформаций, происходивших

в СССР и России. В Оренбургской области к работам, выполненным в таком плане, следует, например, отнести кандидатские диссертации: И.В. Люкшиной, посвященную жизни молодежи Южного Урала в условиях Великой Отечественной войны [21], Е.В. Пахомовой и О.В. Кузнецовой о жителях целины [26; 16], Э.С. Идрисовой и Е.К. Рожковой, выявившие динамику численности и состав военнопленных, оказавшихся в Оренбургской области после окончания Первой мировой и Великой Отечественной войн, их материально-бытовое положение [13; 32]. Наибольшую актуальность в связи с этим сегодня приобретают работы по т. н. **микроистории**, занимающейся рассмотрением малых территорий и популяций (город, деревня, диаспора, отдельная семья) в относительно небольших хронологических границах.

Интерес к проблемам социальной динамики вызвал к жизни ряд специальных работ, посвященных **демографическим процессам**. В Оренбуржье данная проблематика стала совершенно новым направлением региональных исследований в отличие, например, от Екатеринбурга и Челябинска, где аналогичные работы издавались с середины 1980-х гг. Так, в 2010 г. вышла монография В.А. Рубина [36], в ближайшее время в диссертационном совете ОГПУ будет защищаться кандидатская диссертация Е.Г. Богдановой [7]. Однако, поскольку изучение демографии требует от исследователей хорошего знания специфической системы методов, среди которых основное место занимают статистические (анализ данных), математические (математические модели), а также социологические методы (субъективные установки) анализа, указанная проблематика исторических работ пока не получила в регионе широкого распространения.

Феминистская критика работ по социальной истории традиционно отмечает запущенное состояние с изучением проблем пола, требует дополнить традиционно разрабатываемую мужчинами историю о мужчинах историей женщин о женщинах («история женщин»), показать предубежденность «мужского взгляда» в историографии («женская история») и, наконец, осознать важность исследования отношений между мужчинами и женщинами во всех сферах исторической жизни (история полов, **гендерная история**). Их программа пред-

полагает создание такой истории, «где женщины и мужчины занимают равное место». К работам, выполненным в рамках гендерной истории, можно отнести диссертационную работу И.Г. Сытник [41]. Так, автор пришел к интересным выводам о вовлечении советской властью женщин в производство как о мере, связанной с сокращением численности мужского населения и вытекающими из этого экономическими трудностями. Однако «этот процесс стимулировался идеологическими установками и лозунгами борьбы за женское равноправие и эмансипацию», а «государство не создало необходимых условий для облегчения» женского труда. При этом «в угоду производственной эффективности в жертву были принесены важнейшие роли женщины в семье – жены и матери. В указанной работе были подняты и другие вопросы, связанные, например, с распространением проституции, алкоголизма в женской среде, а также рассмотрены проблемы, касающиеся создания «нового быта», «нового человека», изменением общественной морали, нравственности, поведения, религиозного сознания. На примере диссертации И.Г. Сытник прекрасно видно, что все, даже максимально суженные тематически, исследования по социальной истории неизбежно приобретают комплексный характер, не только оперируя методами и данными различных смежных наук, но и затрагивая самые различные вопросы общественного бытия.

Такие рубрики, как **антиобщественное поведение** («Хулиганство», «Проституция», «Алкоголизм», «Нищета», «Беспризорничество»), **самодевиации** («Суицид»), а также темы, отражающие **складывание общественных институтов по борьбе с этими проявлениями** девиантного и антиобщественного поведения, также становятся самостоятельными направлениями изучения социальной истории. Указанные вопросы часто затрагивались в работах, посвященных более широкой проблематике [34]. К актуальным социальным вопросам современности стоит отнести и **проблемы социальной напряженности**, а также **вопросы предотвращения социальных конфликтов**. Однако пока эти темы не нашли широкого воплощения в специальных исследованиях. Ситуация, правда, начинает меняться. Например, в выпускных квалификационных работах

указанные вопросы сегодня довольно часто становятся предметом рассуждений. И есть основания надеяться, что студенческие работы станут основой для будущих научных исследований. Наследием советского периода можно считать труды, связанные с историей народных восстаний, происходивших на территории Южного Урала [46].

Еще одной важной проблемой, поднимаемой учеными в рамках изучения социальной истории, является исследование **проблем индивидуального сознания, поведения и его мотивации**. Пожалуй, единственной работой, выполненной в данном направлении, стала кандидатская диссертация И.В. Храмова, посвященная антифашистскому движению «Белая роза» и его лидеру Александру Шморелю [45]. Более широко эта проблема может быть сформулирована как **история повседневности**. По мнению немецкого исследователя Зидера Райнхарда, «именно в результате анализа сферы «повседневности» конструируется двойное видение социальной действительности: с одной стороны, как детерминации жизнедеятельности мужчин и женщин теми условиями и обстоятельствами, которые они застают, а с другой – как влияние исторической практики людей на формирование структур» [11, с. 176]. Данная тема стала основой пока для небольшого числа специальных работ. Примерами могут служить кандидатская диссертация О.В. Кузнецовой [16] и докторская диссертация Е.В. Банниковой [5]. Обращение к проблемам повседневной истории не стало широкомасштабным научным явлением в регионе. С одной стороны, изучение обыденных практик, возможно, больше, чем обращение к другим аспектам социальной истории, требует от ученого широты взглядов, эрудиции и владения методологическими навыками, присущими не только истории, но и философии, социологии, культурологии, психологии и пр. Это, несомненно, является сдерживающим фактором. Однако в связи с распространением идеи поливариантности развития различных регионов и социумов, которая позволяет отказаться от жестко заданной схемы стадий экономической или общественной эволюции, и сохраняющейся при этом необходимостью определить наиболее общие и абстрактные характерные категории, которые позволят осуществлять сравнительный

анализ тех или иных сообществ на различных этапах их существования, «повседневность» может рассматриваться как некая универсальная категория. Это делает историю повседневности направлением, наиболее, на наш взгляд, соответствующим современным задачам региональной исторической науки.

В заключение следует констатировать следующее:

1. Хронологические рамки исследований, осуществляемых в рамках социальной истории Южного Урала (Оренбургской губернии, Оренбуржья) преимущественно связывались с советской эпохой. Социальная история региона XVIII–XIX вв. сохраняет обширное проблемное поле для следующих поколений ученых.

2. Современная историческая наука наиболее высоко оценивает глубину, а не широту проведенного научного анализа, что, очевидно, должно вести к отказу от хронологической эпохальности и глобализма исторических работ регионального масштаба. Необходимо увеличивать число исследований, осуществляемых в рамках микроистории, которые при их сопоставлении и обобщении позволят в итоге выявить общероссийскую картину внутренних социальных процессов.

3. Историко-социологическое направление научных разработок, ориентированное на анализ генезиса разнообразных социальных структур, следует сочетать с историко-антропологическим направлением, изучающим устроения, психологию, культуру, морально-этические нормы различных категорий населения.

4. Наиболее перспективными аспектами социальной истории на настоящий момент являются гендерная история, история повседневности, социальные девиации, демографическое развитие социума.

5. Социальная история должна с равным вниманием относиться как к сравнительно стабильным элементам социума (например, сословно-классовой структуре), так и к отдельной личности. Данное обстоятельство требует расширения проблемного исследовательского поля за счет обращения к биографической тематике.

От того, с какой степенью точности социальная история будет определять свои основные понятия и систематически соотносить их

друг с другом, как она сформулирует проблемы и насколько критически оценит соотношение между приводимыми ею данными и интерпретациями, зависит успешность процесса становления ее как исторической социальной науки. Если, со своей стороны, социология, культурантропология, этнология, политология и другие гуманитарные науки при разработке теорий будут учитывать исторический характер своих объектов исследования, различия между ними и социальной историей будут и далее уменьшаться. Результа-

том стирания этих различий может стать возникновение высокоспециализированной и в то же время в целом высокоинтегрированной исторической социальной науки, способной интерпретировать и систематизировать, рассказывать и объяснять. Иными словами, на повестку дня ставится вопрос о практическом применении в конкретно-историческом исследовании комплексного метода социального анализа, опирающегося на последовательную комбинацию системно-структурного и субъективно-деятельностного подходов.

12.04.2012

Список литературы:

1. Thesis = Теория и история экономических и социальных институтов и систем: альманах. Зима 1993. – М.: Начала-Пресс, 1993. – Т. 1., Вып. 1. – 256 с.
2. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. – Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1999. – 450 с.
3. Бадретдинова, М.М. Промышленность и рабочие Южного Урала в период НЭПа (1921–1927 годы): автореферат дис. ... к.и.н. – Оренбург, 1995. – 19 с.
4. Банникова, Е.В. Купечество Южного Урала в первой половине XIX века: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 1999. – 21 с.
5. Банникова, Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода): автореф. дис. ... д.и.н. – Оренбург, 2011. – 46 с.
6. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия: К 70-летию Н.А. Симония: Сб. ст. – М.: Прогресс-традиция, 2002. – С. 109–128.
7. Богданова, Е.Г. Демографические процессы на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... к.и.н. – Оренбург, 2012. – 30 с.
8. Бугалин, А.В. Постмодернизм устарел // Вопросы философии. – 2004. – №2. – С. 3–15.
9. Гавров, С.Н. Модернизация России: постимперский транзит. – М.: МГУДТ, 2010. – 269 с.
10. Годова, Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 годах.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2005. – 23 с.
11. Зидер Райнхард. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // Thesis = Теория и история экономических и социальных институтов и систем: альманах. Зима 1993. – М.: Начала-Пресс, 1993. – Т. 1. Вып. 1. – С. 163–181.
12. Идрисова, Э.С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2008. – 24 с.
13. Ильясова, А.Я. История башкирского дворянства: автореф. дис.... к.и.н. – Уфа, 2010. – 30 с.
14. Кортунов, А.И. Численность и национальный состав Оренбургского казачьего войска в XVIII–XIX вв.: автореф. дис.... к.и.н. – Уфа, 2004. – 30 с.
15. Кузнецов, В.А. Иррегулярные войска Оренбургского края (XVIII–XIX вв.): автореф. дисс. ... д.и.н. – Челябинск, 2011. – 46 с.
16. Кузнецова, О.В. Повседневная жизнь первоцелинников (1954–1965 гг.): на материалах Оренбургской области: автореф. дис. ... к.и.н. – Оренбург, 2008. – 30 с.
17. Куренкова, Ю.О. Крестьянство и сельские советы Южного Урала в 1922–1929 гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2003. – 24 с.
18. Лабузов, В.А. Деревня Южного Урала в период социальных потрясений и экономических реформ (1917–1930 гг.): автореф. дис. ... д.и.н. – Екатеринбург, 2005. – 60 с.
19. Лошакова, С.Ю. Оренбургский край после Крестьянской войны: 1773–1775 гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2003. – 25 с.
20. Люкшина, И.В. Молодежь Южного Урала в период Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2004. – 23 с.
21. Мельникова, Ю.В. Жизнеобеспечение городского населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2007. – 25 с.
22. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 1. – 548 с.
23. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 2. – 566 с.
24. Мишанина, Е.В. Поместное дворянство Оренбургского Заволжья: хозяйственная и культурная деятельность середины XVIII – начала XX вв.: автореф. дис.... к.и.н. – Самара, 2004. – 24 с.
25. Найденова, И.А. Государственная деревня Оренбургской губернии в период аграрных реформ: Вторая половина 1830-х – 1860-е гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2005. – 26 с.
26. Пахомова, Е.В. Обеспечение районов освоения целинных и залежных земель трудовыми ресурсами в 1954–1956 гг. (на материалах Южного Урала): автореф. дис. ... к.и.н. – Оренбург, 2007. – 30 с.
27. Пашкова, О.Н. Купечество Южного Урала во второй половине XIX века (по материалам Оренбургской губернии): автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2002. – 26 с.
28. Петров, В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2005. – 24 с.

29. Рахимкулова, М.Ф. Оренбургские купцы (торговцы). – Оренбург: Яна Вақыт, 1996. – 212 с.
30. Репина, Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: ЛКИ, 2009. – 316 с.
31. Роднов, М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): Социальная структура, социальные отношения: автореф. дис.... д.и.н. – Самара, 2003. – 36 с.
32. Рожкова, Е.К. Иностранцы военнопленные и интернированные на Южном Урале в 1943 – 1950 гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2002. – 26 с.
33. Романов, П.Н. Основные формы борьбы и компромиссы рабочего класса Южного Урала в 1900 – феврале 1917 гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 1997. – 20 с.
34. Романович, С.В. Борьба с детской безнадзорностью и беспризорностью на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... к.и.н. – Оренбург, 2006. – 22 с.
35. Рубин, В.А. Города Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... к.и.н. – Оренбург, 2007. – 30 с.
36. Рубин, В.А. Экономическое и социально-демографическое развитие российских тыловых городов в период Великой Отечественной войны (на примере крупных промышленных центров Южного Урала). – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2010. – 179 с.
37. Салимьянов, Р.Ф. Уральские рудоискатели и рудопромышленники в XVIII веке: автореф. дис.... к.и.н. – Уфа, 2011. – 22 с.
38. Сафонов, Д.А. Крестьянство и власть в эпоху реформ и революций: 1855–1922 гг.: На материалах Южного Урала: автореф. дис. ... д.и.н. – М., 1999. – 63 с.
39. Семенов, В.Г. Оренбургское казачье войско в годы Первой Мировой войны, 1914–1917 гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2003. – 22 с.
40. Сыров, В.Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. – 2000. – № 2. – С. 147–159.
41. Сытник, И.Г. Женский вопрос в политике государства и его решение на Южном Урале (1918–1930 гг.): автореф. дис. ... к.и.н. – Оренбург, 2006. – 26 с.
42. Уразова, А.И. Города Южного Урала во второй половине XIX в.: автореф. дис.... к.и.н. – Уфа, 2002. – 25 с.
43. Федотова, В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФРАН, 1997. – 255 с.
44. Футорянский, Л.И. Казачество России на рубеже веков. – Оренбург: Димур, 1997. – 200 с.
45. Храмов, И.В. Александр Шморель: Российский фактор в деятельности группы студенческого сопротивления «Белая роза»: автореф. дис.... к.и.н. – Оренбург, 2005. – 27 с.
46. Худайгулов, Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг.: автореф. дис.... к.и.н. – Уфа, 2008. – 27 с.
47. Шайхисламов, Р.Б. Социально-экономическое положение крестьянства Южного Урала в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... д.и.н. – СПб., 2007. – 46 с.
48. Юсупов, Ю.М. Башкортостан XV – первой половины XVI вв.: социально-политический аспект: автореф. дис.... к.и.н. – Уфа, 2009. – 22 с.

Сведения об авторе:

Банникова Елена Владимовна, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент
460000, г. Оренбург, ул. Советская, 19, ауд. 115, e-mail: ida777@yandex.ru

UDC 930.1

Bannikova E.V.

Orenburg state pedagogical university

E-mail: ida777@yandex.ru

ACTUAL ISSUES IN SOCIAL HISTORY OF ORENBURG REGION

The article analyzes the main challenges facing of the social history as a separate area of historical research. Revealed the most studied and least-developed themes and periods of social history of Orenburg region. A survey of works devoted to various aspects of this area of historical scholarship of the Orenburg region.

Key words: social history, social movements, history of mentalities, history of daily life, demography, gender history.